

Л.В.Дьякова

Миражи демократии

Исторический идеал и современность в контексте Латинской Америки

В статье анализируются различные исторические подходы к понятию демократии в Латинской Америке, дается обзор политических идей, сыгравших принципиальную роль в формировании латиноамериканского идеала демократии в XIX в. Важнейшие из проблем, поставленных в прошлом, проявляясь по-новому, сохранили актуальность и в настоящее время, что находит отражение в политической практике современных латиноамериканских стран.

Ключевые слова: Латинская Америка, демократия, политическое развитие, государство, общественная мысль.

Исследование проблем демократии — это, прежде всего, европейская тема, получившая усиленное развитие в политической науке США. В то же время эта тема не только не чужда, но исторически присуща и общественной мысли Латинской Америки — как современной, с ее идеологическими спорами и различными подходами к проблемам демократического развития, так и концепциям XIX в. Рассмотреть латиноамериканские вариации на фундаментальную тему демократии представляется интересной и важной исследовательской задачей.

Осмысление и развитие комплекса демократических идей в Латинской Америке происходило постепенно, в неразрывной связи с событиями и требованиями исторического времени и отличалось рядом существенных, по сравнению с западноевропейскими подходами, особенностей. Эти особенности были обусловлены специфическим самосознанием латиноамериканцев, в котором с начала XIX в. взаимодействуют два основополагающих начала. С одной стороны — представление об уникальности исторического пути Латинской Америки, необходимости поиска себя, своего места в мире; с другой — идея о включенности региона в мировой цивилизационный контекст и особенно — в западноевропейскую политическую традицию¹. Дискуссия о взаимопроникновении универсального и нацио-

Людмила Владимировна Дьякова — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН (diakova65@mail.ru).

нально-специфического, особенного, в развитие важнейших историко-политических процессов, о соотношении общемировых и региональных ценностей, о применимости «идеальной нормы» к реальной (нередко — трагической и страшной) практике жизни, протекающая в различных формах и затрагивающая разнообразные сюжеты, составляет сущность латиноамериканских интерпретаций демократии.

СВОБОДА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

Тема демократии, понимаемой, прежде всего, как республиканская форма правления в противовес свергнутой испанской монархии, начинает развиваться в латиноамериканской общественной мысли в первой половине XIX в., после Войны за независимость и создания на территории бывших испанских колоний независимых государств. Размышления о судьбах этих государств, их безопасности во враждебном окружении, подходящей им форме политического устройства становятся лейтмотивом идейного противостояния и получают отражение в работах выдающихся политических деятелей и мыслителей своего времени — от венесуэльцев Симона Боливара, Симона Родригеса и Андреса Бельо до кубинца Хосе Марти.

Ключевой, важнейшей проблемой этого периода является спор о соотношении свободы, понимаемой максимально широко (как экономический принцип; как освобождение от колониального гнета, тирании, монархии, рабства, уничтожение привилегий и кастовых различий; как отмена всего патриархального; как равенство граждан перед законом и утверждение принципа народного суверенитета), и порядка, олицетворяемого сильной государственной властью.

В классической «охранительной» (так называемой протекционистской) концепции демократии, сформированной в западноевропейской и североамериканской политической мысли (в трудах Джона Локка, Томаса Гоббса, Джеймса Мэдисона, Иеремии Бентама, Томаса Пейна, Томаса Джефферсона и др.), подчеркивалось значение конституции, законов, провозглашались права и свободы личности (защита которых и являлась основным предназначением государства в рамках этой модели). Латиноамериканские либералы — идеологи независимости, республиканизма, политического равенства, отмены рабства, права народов самим определять свою судьбу — разделяли эти принципы и стремились претворить их в жизнь.

Однако историческая реальность Латинской Америки сразу после освобождения от колониальной зависимости с особой остротой поставила вопрос о том, что же должно предшествовать демократии: состоявшаяся государственность или либерализм, понимаемый как пространство практически не контролируемой свободы? Развернувшиеся в бывших испанских колониях гражданские войны продемонстрировали, что отсутствие безопасности и политического управления тормозит национальное развитие, что ценностям «избыточного либерализма» необходимо противопоставить управляющую и охранительную роль государства как важнейшего инструмента защиты завоеванных прав, единственной силы, способной противостоять анархии и распаду, обеспечивать порядок и безопасность, развивать и совершенствовать общество.

Фундаментальное противоречие свободы и порядка особенно трагически проявилось во взглядах и политике Освободителя — Симона Боливара (1783—1830), отстаивавшего приоритет сильной верховной власти в ущерб ряду основополагающих принципов либеральной идеологии.

Мировоззрение С.Боливара, в котором соединились утопические надежды на единство бывших испанских колоний, мечты о свободе, понимаемой в духе классического европейского либерализма, и трагическое личное разочарование в исторической реальности представляет собой сложный комплекс глубоких философских прозрений и прагматичных политических рекомендаций по поводу государственного управления и решения тяжелейших внутренних проблем. Его опасения относительно «новой зависимости», угрожающей латиноамериканским народам со стороны сильнейших государств мира, трезвый взгляд на «соблазны приобретенной свободы», упавшие на почву неизжитого колониального наследия (как отмечал мексиканский философ Леопольдо Сеа)², в итоге привели Боливара к переосмыслению первоначальных взглядов в отношении быстрого и успешного введения республиканского политического устройства. «Этот Новый Мир, если определить его одним словом, есть не более, чем штормовое море, которое не успокоится еще много лет», — писал Боливар генералу Антонио Хосе Сукре в 1827 г.³

Известный российский историк Евгений Александрович Ларин в исследовании, посвященном восприятию фигуры Боливара в историографии Европы и Америки XIX в., приводит характерное высказывание Освободителя, трактовка которого вполне однозначна: «Новым государствам Америки (раньше испанской) необходимы короли под именем президентов»⁴. Это несомненное признание важности сильной государственной власти (в исключительных случаях — даже персонифицированной) как способа противопоставить порядок — хаосу, безопасность — гражданским войнам, созидание — разрушению. Личная свобода человека и политическая свобода, сторонником которых являлся Боливар, в реальных исторических условиях проиграли идее сильного и охраняющего государства — в духе классической теории Т.Гоббса. «Прочное, могущественное и справедливое правительство — это крик нашей родины», — писал Освободитель в 1827 г. в послании Конституционной ассамблее Колумбии, призывая к максимальному усилению исполнительной власти⁵. Идеи Боливара представляли собой латиноамериканский вариант европейской «протекционистской» концепции демократии, но с акцентом на приоритете прав государства (защищающего индивида от издержек свободы) перед правами отдельной личности, что объяснялось спецификой конкретных исторических обстоятельств.

В отличие от Боливара, аргентинский политик-либерал, писатель и поэт Эстебан Эчеверриа (1805—1851), близкий идеям утопического социализма, отдавал предпочтение свободе и правам личности перед лицом любых исторических обстоятельств. Он считал, что «демократия — это режим, основанный на свободе и равенстве классов», «необходимый нам и единственно возможный у нас»⁶. В комплексе демократических идей Эчеверриа особенно выделял принцип социального равенства, неразрывно связанный с понятием человеческого достоинства, уважением к индивидуальному труду и личному таланту человека. «Демократия, устраняя все сословные

преграды, говорит нам, что нет другой иерархии, кроме той, которую устанавливает закон управления обществом; что должностное лицо вне учреждения, где оно выполняет свои функции, ничем не отличается от остальных граждан... что только честность, талант, гений порождают превосходство»⁷. В этом смысле его отношение к метрополии крайне негативно: испанская монархия «оставила нам в наследство рутину», воспитала общество «в духе слепого уважения к традициям и непогрешимому авторитету определенных доктрин», разделила его «на сословия, иерархии, по профессиям и ремеслам», — писал Эчеверриа⁸. Колониальное прошлое воплощает в мировоззрении этого мыслителя все отжившее, ветхое, мешающее «преобразующей и прогрессивной» идее развития. Демократия же в значительной мере является идеалом будущего, требующим подлинной «эмансипации» общества и созидательного труда в сфере «политики, философии, науки, религии, искусства, промышленности»⁹. Эти взгляды сближают абсолютный либерализм Эчеверрии с подходами так называемой развивающей модели демократии.

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА

«Развивающая» концепция демократии сформировалась в латиноамериканской общественной мысли практически одновременно с «протекционистской». В ее основу были положены воззрения Жан Жака Руссо с его идеями совершенствования в первую очередь человека и общества, развития образования, общественного просвещения, уважения к труду, преодоления невежества и внутреннего рабства и, в итоге, постепенной «гуманизации» окружающей жизни. Выдающиеся латиноамериканские просветители, бывшие в то же время и активными общественными деятелями, писателями, поэтами, внесли свой вклад в развитие этой концепции.

Учитель и преданный друг Боливара, венесуэльский поэт, писатель и педагог Симон Родригес (1769—1854), много лет проживший в Европе, испытавший влияние идей Руссо, европейского Просвещения и утопического социализма, возвратившись в 1823 г. в Колумбию, стремился создать новую систему образования для Латинской Америки. Эта система была основана на сочетании трудового воспитания и общеобразовательного обучения и преследовала цель сформировать гармоничную личность — образованного и знакомого с физическим трудом человека, который сможет построить справедливое, гармоничное общество — «социальную цивилизацию». Родригес открывал школы в Колумбии и Боливии, долгое время жил и работал в Чили, Перу, Эквадоре¹⁰. Его деятельность вдохновлялась утопической надеждой создать в освободившихся от колониального гнета латиноамериканских странах, где не успели укорениться традиции деспотизма, новое общество, в котором бы самобытность, естественность и простота сочетались с ценностями труда и просвещения. «Старая Европа обращает свой взор к Новому Свету в поисках места, где можно осуществить новый социальный идеал», — писал С.Родригес¹¹. Правление просвещенного диктатора (как предполагалось — Боливара, которого Родригес глубоко уважал) этот либерал-утопист считал необходимым и вполне оправданным явлением для определенного исторического периода.

Взгляды венесуэльца Андреса Бельо (1781—1865), писателя, публициста, педагога, общественного деятеля, заложившего школу историко-философских исследований в Чили, были близки как умеренно-либеральному, так и умеренно-консервативному направлению. Как либерал, значительную часть жизни проживший в Европе, он признавал важность законов и право новых государств Латинской Америки на собственные политические институты; как консерватор — отстаивал приоритет эволюционного пути развития, выступал против радикально-негативных оценок испанского периода латиноамериканской истории, считал, что иберийское наследие имело немало достоинств, особенно в плане воспитания гражданских качеств личности — чести и любви к родине¹². Его консерватизм состоял в стремлении сохранять лучшее, что есть в традиции, не консервируя отсталость и рабство («прошлое необходимо принимать, но не повторять»)¹³. Размышляя о будущей судьбе латиноамериканских стран, которым только предстояло обрести подходящие формы политической организации, А.Бельо писал о необходимости признания национальной самобытности каждого народа, выступал за сильную политическую власть, в которой могут сочетаться как монархические, так и демократические элементы. Как педагог и общественный деятель Бельо придавал особое значение образованию и воспитанию общества, опасаясь невежества как одного из опаснейших зол, которое может привести Латинскую Америку от испанского колониализма к неоколониализму современной эпохи. «Я определенно отношусь к тем, кто смотрит на общее образование, просвещение народа, как на одну из важнейших и наиболее значимых целей, на которые может направить свое внимание правительство... видя в этом основу устойчивого прогресса, необходимую базу для республиканских институтов», — писал Бельо¹⁴.

К социально-утопической руссоистской идее «воспитания гармоничной личности» Бельо относился критически, но его взгляды, в которых понимание республиканского политического устройства связано с размышлениями о необходимости воспитания и просвещения общества в целом, все-таки близки «развивающей» концепции демократии.

Интересно отметить, что со временем, к концу XX в., и утопический, в духе Руссо, подход Родригеса, и общественно-педагогическое просветительство Бельо не превратились в забытые страницы той эпохи, а частично эволюционировали в идеологию современных латиноамериканских гуманистов. В основе мировоззрения их идеолога Сило — аргентинского философа Марио Луиса Родригеса Кобоса — также заложена идея о гармоничном развитии человека, способного «гуманизировать Землю» (так называлась самая известная работа Сило)¹⁵, о воспитании человеческой личности и общества в целом как необходимой основы преодоления социально-политических конфликтов.

В трудах первых латиноамериканских мыслителей периода независимости была сформулирована одна из ключевых проблем того времени, в которой отразилось классическое противоречие между либералами и консерваторами. Это был вопрос об отношении к колониальному прошлому, к испанской политической и религиозной традиции, испанскому наследию в целом. Латиноамериканским интеллектуалам важно было определить свою позицию в спорах о том, каким должно быть будущее развитие новых го-

сударств — с признанием всего ценного, что дала своим колониям Испания, или без него?

Философская и политическая позиция Боливара в отношении прошлого была слишком многоплановой и неоднозначной: признавая ценности европейского Просвещения, он писал о ненависти к Испании, разделившей народы Латинской Америки и бывшую метрополию, призывал «уничтожить на нашем континенте политическую власть Испании»¹⁶, размышлял о важности индейских традиций в создании нового латиноамериканского мира. Бельо видел в исторической традиции незаслуженно отвергнутые позитивные, воспитательные моменты; Эчеверриа связывал с «испанской идеей» образ косности и застоя. Чилийский либерал Хосе Викторино Ластарриа (1817—1888), как и Эчеверриа, представлял характерную для классического либерализма позицию развенчания отжившего исторического багажа (монархизма, католицизма, испанизма). С его точки зрения Испания, в отличие от Северной Америки, которой Ластарриа восхищался, принесла своим колониям лишь религиозный фанатизм, рабство, «корысть и ложь». Примером же распространения республиканских ценностей, сказал он, могут служить США, где расцвели свобода личности и мнений, рационализм, культ независимости и суверенитет народа¹⁷. Являясь одним из основоположников концепции гражданского общества на латиноамериканской почве, Ластарриа выступал за создание общественных институтов на локальном уровне, развитие муниципальной власти, местного самоуправления, что сближало его взгляды с идеями французского политического мыслителя, одного из основоположников политической науки Алексиса де Токвиля и его знаменитой работой «О демократии в Америке».

Одной из разновидностей латиноамериканского подхода к дилемме «прошлое — настоящее» можно считать концепцию, в которой первостепенную роль играет конфликт цивилизации и варварства, универсального и локального, современного и патриархального. Проблема прошлого как отношения к испанскому наследию здесь не ставится, однако это принципиальный для Латинской Америки вопрос о совместимости ценностей модерна (к которым, безусловно, относится и демократия), с консерватизмом архаичной традиции, со стилем жизни и взглядами «не вписывающихся в современность» социальных групп, создающих свое общественное пространство.

Аргентинский политический философ и президент страны в 1868—1874 гг. Доминго Фаустино Сармьенто (1811—1888) обозначил эту тему в латиноамериканской общественной мысли. С точки зрения Сармьенто, цивилизация (особенно для больших государственных образований) означает сочетание республиканской формы правления, федеративного устройства и развитого общества, для создания которого необходимы целенаправленные усилия, упорный и тяжелый труд. Опираясь на свое понимание цивилизации как прорыва в современность (то есть к рациональности, государственному порядку и просвещенности), Сармьенто отвергал какую-либо значимость культуры аргентинских гаучо, олицетворявших, с его точки зрения, отсталость, варварство и дикость, писал об их «врожденной» ненависти к городской жизни и городу — символу образования и культуры¹⁸. Эти утверждения, спорные даже для того времени, сегодня воспринимаются

как расистские, а жестокость Сармьенто по отношению к гаучо стала пятном на его биографии президента и общественного деятеля. Непримиимость данной позиции была опровергнута историей. Но размышления Сармьенто о том, что цивилизованная политика требует определенного уровня политической культуры общества, и этого уровня невозможно достигнуть, не преодолев «внутреннего варварства» (для каждой нации и каждого времени — своего), и сегодня не утратили глубины и актуальности. «Общество как таковое здесь исчезло, осталась только феодальная семья, изолированная и замкнутая, — писал Сармьенто об аргентинской провинции. — Поскольку единого общества нет, любая форма правления становится невозможной, муниципалитета не существует, полиция практически не может осуществлять свои функции, а гражданское правосудие не в состоянии настигнуть преступника. Не знаю, существует ли в какой-нибудь другой части современного мира такая чудовищная форма общественной жизни, как эта»¹⁹. Эти слова написаны о пространстве, в котором в принципе невозможно рациональное политическое управление, основанное на понятии политических прав, «народного суверенитета», выборности властей. Представляется, что основная идея Сармьенто как политического мыслителя — все-таки не оправдание агрессии против аргентинских гаучо, а поиск способов конструирования этого неоформленного, отсталого пространства в направлении современного развития, призыв к преодолению затягивающей архаики, опасность которой в XXI в. ощущается не менее остро, чем 150 лет назад.

Во второй половине XIX в. тема освобождения и республиканизма была продолжена (и, можно сказать, закончена для своего времени) в политической философии выдающегося кубинца Хосе Марти (1853—1895). Лейтмотив его мировоззрения — идея единства латиноамериканских народов, представление о «Нашей Америке» как едином историческом и культурном целом, обладающем уникальной цивилизационной спецификой. Х.Марти считал, что основа будущего Латинской Америки — в восстановлении доиспанских, индейских культурных традиций, в свободе быть самой собой, в уважении к своему прошлому, преодолении недостойного «стыда» за свою родину — «мать, которую нас вырастила... оставляем одну в потоке болезней»²⁰. Идея свободы, культурного своеобразия и латиноамериканского единства дополнена в его творчестве идеей романтического патриотизма в отношении одной страны — Кубы, освобождения которой от Испании он добивался всеми возможными способами (политическими и литературными), в том числе и ценой собственной жизни. Свободная Куба представлялась ему республикой, основанной на социальной справедливости и равенстве: «В освобожденной родине нужно будет защищать народную политику, к которой должны будут путем взаимного признания приспособиться части населения, могущие столкнуться друг с другом из-за какого-нибудь пустяка»²¹. Социальное равенство Марти понимал в первую очередь как равенство людей независимо от происхождения и этнической принадлежности, «как почтительное и справедливое обращение без ограничений в уважении... друг с другом людей того или иного цвета кожи»²².

Утопия Марти, в которой сочетались мечты о свободе, равенстве, латиноамериканском единстве и республиканизм, по-своему завершает в обществен-

но-политической мысли региона XIX в., начавшийся с мучительного, трудного осознания противоречивых итогов Войны за независимость, и закончившийся не менее трудными размышлениями о будущей судьбе Кубы.

На протяжении этого периода в работах латиноамериканских политических философов шел поиск некоего универсального идеала демократического правления; при этом реальные исторические проблемы, требуя решения, обогащали и наполняли этот идеал практическим содержанием. Среди поставленных в то время важнейших тем — вопрос об управлении государством и необходимости сильной государственной власти; об отношении к прошлому и осознанном конструировании будущего; о ценностях локальной самобытности, местных традиций, их взаимодействии с современностью; о смысле и пределах свободы; о роли просвещения и образования в развитии общества; о равенстве гражданских прав; об отношении к коренному населению. С особой остротой уже в ранних работах латиноамериканских политических мыслителей стояла проблема социальной справедливости и социальной политики как важнейшей части государственной стратегии по развитию общества, преодолению его наиболее страшных пороков — бедности, преступности, невежества, отсталости. Демократический идеал, составленный из нравственно-этических просветительских норм, политических и социальных требований, был направлен в будущее и противостоял стихии и варварству окружающей жизни.

ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

В начале XXI в. некоторые важнейшие элементы этого идеала в значительной степени стали реальностью Латинской Америки. Пережив XX в. с его военными переворотами и диктатурами, а также сложные периоды демократизации, регион к началу текущего столетия превратился в пространство повсеместного (за некоторыми исключениями) распространения демократии — несовершенной, трудной, но отмеченной регулярными выборами, свободой слова, политическим равенством, многопартийностью, активностью гражданских организаций и другими принципиальными чертами, вплоть до способности общества инициировать импичмент президента страны (как это произошло в 2016 г. в Бразилии).

Тем не менее конфликт идеала и политической реальности сегодня, как и в XIX в., остается одним из наиболее актуальных противоречий демократии — с той принципиальной разницей, что в современном обществе разочарование и недовольство вызывают уже не устаревшие формы правления, с которыми вынуждены были бороться сторонники республиканизма, а сама демократическая модель, ее внутренние противоречия, слабости и недостатки.

Современные латиноамериканцы, поддерживая демократию как политический режим, предъявляют к ней высокие нравственные требования: этическое и ответственное поведение политических лидеров, преодоление коррупции, особенно на высшем уровне власти, более эффективное управление, более широкое участие граждан в принятии важнейших решений, и, главное, — большая социальная справедливость. Политическая демократия должна быть дополнена социальной политикой нового качества, связанной

с трансформацией и модернизацией общества, принципиальным преодолением бедности как явления, развитием образования, в котором у всех будут равные шансы на продвижение в жизни. Несоответствие реальной практики завышенным социальным ожиданиям выливается в массовые протестные движения, которые охватили регион в 2013—2016 гг., стали знаковым явлением для современных латиноамериканских демократий и продолжаются до сих пор.

Отличительной особенностью всех этих выступлений стало то, что активное участие в них принимал «новый средний класс» — группы населения, вышедшие из бедности за годы высоких темпов экономического роста (так называемого золотого десятилетия 2003—2013 гг.), во многом благодаря целенаправленной социальной политике государства, и столкнувшиеся с тяжестью новых проблем. Успешная работа по преодолению бедности в период экономического подъема должна была дополняться постоянными и эффективными усилиями по кардинальному сокращению социального неравенства, созданию новых рабочих мест, увеличению вложений в образование и здравоохранение. Несмотря на серьезные социальные достижения латиноамериканских стран, эти сложнейшие задачи остались нереализованными. Как отмечала чилийский социолог Марта Лагос, «регион становится с каждым днем все более процветающим, более богатым и требовательным, но сохраняет, вместе с тем, высокий уровень неравенства. Это процветание, которое несет в себе и новые диспропорции»²³.

Активным участником «революции массовых ожиданий» стала также молодежь — «борющееся поколение», по выражению бразильского исследователя Родриго Нунеса²⁴. Молодежь, во многих случаях составившая основу протестного движения (как, например, в Чили), выражала недовольство не отдельными недостатками существующих правил политической жизни, но сложившейся системой ценностей, консервацией социального неравенства, отсутствием эффективных социальных лифтов. Наибольшее раздражение деятельностью своих правительств и разочарование в возможностях демократии демонстрировали жители успешных «модельных» стран, в которых демократические принципы государственного управления во многом давно уже стали политической нормой, а социальная политика рассматривалась исследователями как успешный пример решения наиболее острых и запущенных общественных проблем.

Оказалось, что гражданское сознание и протестная уличная активность в Латинской Америке растут быстрее, чем эффективность социальной политики и качество политических институтов, а гражданское общество давно не является зоной, гармонизирующей социальные противоречия. Это динамичное, противоречивое пространство, в котором взаимодействуют различные (в том числе и криминальные) элементы, способно усиливать рост неуправляемости, политическое ослабление государства, кризисные тенденции (что и произошло, например, в Бразилии, в ходе массовой кампании с требованиями импичмента президента Дилмы Руссефф).

С другой стороны, государство также не всегда выполняет свои функции важнейшей политической организации, структурирующего, управляющего начала. Бывший генеральный секретарь Организации американских государств (ОАГ), чилийский политик и дипломат Хосе

Мигель Инсульса заметил, что «в Латинской Америке много «стихийной» демократии и мало институциональности»²⁵. По мнению же испанского исследователя Карлоса Маламуда, очевидным является тот факт, что в принципе «Латинской Америке необходимо больше государства. Чтобы государство могло эффективно выполнять свои функции, должны быть приняты и работать соответствующие законы и институты, и оно должно перестать быть простым орудием в руках президентов»²⁶. Под расширением пространства государства понимается не прямое усиление власти, а повышение качества работы всех организаций, ответственных за реализацию политического курса, эффективность проводимых реформ, обеспечение безопасности граждан.

Таким образом, государство — гражданское общество — протестная уличная активность и избыточные надежды широких социальных слоев, связывающих с демократическим устройством свою мечту о социальной справедливости, — это ключевые точки, вокруг которых развиваются и современный политический процесс в латиноамериканских странах, и размышления исследователей, отмечающих эволюцию базовых демократических понятий.

На III Международном форуме в Санто-Доминго (Доминиканская Республика, январь 2015 г.), организованном Международным институтом демократии и электоральной поддержки и посвященном проблемам и перспективам демократии, на первый план выдвигалась необходимость создания новой модели социально-экономического развития, в которой приоритетное внимание должно уделяться вложениям в образование и инфраструктуру, в совершенствование налоговой системы, повышение качества человеческого капитала. Важнейшей задачей государственной политики на новом этапе должна стать поддержка не только беднейших слоев, но и нового среднего класса, выросшего за годы социальных реформ и экономического благополучия и ставшего символом успехов демократического развития²⁷. Таким образом, особую актуальность приобретают размышления о возможности формирования альтернативной модели, «улучшенной демократии», в которой большую роль играла бы социальная политика, нацеленная не только на преодоление бедности, но и социального неравенства, на создание эффективных социальных лифтов для молодежи.

Внутренние проблемы, с которыми сталкиваются страны региона сегодня, известный мексиканский политолог Хорхе Кастаньеда назвал «пугающими слабостями» демократии²⁸. Речь идет не только о запаздывающем развитии политических институтов (в первую очередь — государства), о кризисе социальной модели и росте настроений социального пессимизма, распространившихся в последние годы в различных слоях латиноамериканского общества, но также о расширении зоны потенциальных межгосударственных противоречий в регионе. Латиноамериканские страны ценят свою общую цивилизационную идентичность и отношения добрососедства, но у них, по мнению Х.Кастаньеды, все меньше «общего голоса» по ряду ключевых вопросов мировой и даже региональной политики, все больше принципиальных расхождений.

Таким образом, правомерно задать вопрос: насколько устарели (и устарели ли вообще) вопросы и дилеммы, поставленные некогда латиноамериканскими мыслителями и общественными деятелями? Они были продума-

ны и сформулированы для своего времени, но, как представляется, намного его опередили. Авторы, о которых идет речь, на удивление хорошо знали реальность региона и могли адресовать свои размышления не только настоящему, но и будущему.

Все также актуальна и болезненна для Латинской Америки тема образования, просвещения в формировании более справедливого и гармоничного общества, поставленная Родригесом и Бельо и перерастающая в вечную латиноамериканскую тему социальности, социальной справедливости и равенства, которой окрашены любые политические размышления. (Традиционный приоритет «социального» над «политическим», характерный для латиноамериканской политической мысли, посвященной демократии, отмечал современный чилийский политолог Мануэль Антонио Гарретон²⁹.)

Не менее актуальна оставшаяся, казалось бы, в XIX в. тема «цивилизации и варварства». Эволюция понятия «варварства» в современном мире является отдельной и сложной темой; можно лишь констатировать, что этот конфликт, неразрешимый в принципе, зависит от тех представлений, которые формулирует каждое новое время и каждое новое поколение, решая для себя, что же все-таки считать цивилизацией. Для современных латиноамериканских представлений о демократии честность в политике, соблюдение этических норм, экономное и оправданное расходование бюджетных денег, преодоление коррупции являются такими же неотъемлемыми элементами цивилизации, какими для Сармьенто были просвещение и город.

Что касается утопической мечты начала XIX в. о единстве латиноамериканских народов, то на фоне интенсивных процессов экономической интеграции каждая страна настаивает на четком понимании своей особенности, своей специфики и своего неотъемлемого права сохранять «отдельность» в мире и регионе (по замечанию М.А.Гарретона, латиноамериканцы не приемлют подхода, при котором «все страны сложены в один мешок»)³⁰.

И, конечно, звучащим по-новому в условиях современности, но по-прежнему острым является вопрос о том, насколько совместимы ценности государственного порядка, эффективной власти и управления и ценности свободы, «стихийная демократия», так наглядно проявляющиеся в общественных протестах последнего времени. Демократия и управление, свобода и порядок, новое и старое, цивилизация и варварство, политический идеал и противоречивая реальность — темы, обозначенные в XIX в., по-прежнему не теряют актуальности для региона, заставляя задуматься о привычной «особости» Латинской Америки во всем, что касается политического развития, в том числе и в восприятии ценностей демократии.

Тем не менее необходимо отметить, что настроения разочарования в реальной демократической практике не являются исключительно латиноамериканским феноменом, они характерны и для консолидированной западной демократии с ее устойчивой традицией и признанным многообразием моделей развития. Решив многие из задач, поставленных перед ней два столетия назад, современная демократия пока не может справиться с вызовами нового этапа: противоречивым воздействием глобализации, размыванием национальных государств, ростом социальных ожиданий граждан на фоне кризиса модели социального государства. Не решается и вечный конфликт

между «неолиберальной логикой капитализма», в условиях глобализации оставляющей «человека один на один с бесчеловечными правилами рынка... не смягченными никакими национальными стандартами приемлемых условий труда»³¹, и стремлением широких социальных слоев к справедливости и всеобщему благу. Как считает американский теоретик Марк Платтнер, «весьма маловероятно, что мир без границ в принципе может быть демократическим»³².

Исследователи отмечают постепенную утрату демократией ее представительного характера, бюрократизацию и падение влияния политических партий, распространение демократий «низкого качества». Эти процессы идут на фоне многократного усложнения внутренней жизни западных стран, появления новых феноменов, бросающих вызов самим основам либеральной демократии. Важнейшей проблемой вновь, как и в XIX в., становится безопасность. В итоге в мировой общественной мысли все чаще высказываются сомнения в принципиальной осуществимости универсального демократического идеала («миражом демократии» называет это явление британский политолог Дэвид Лэйн)³³, и все убедительнее звучат обеспокоенность будущим, стремление предложить альтернативные модели развития.

Таким образом, как отмечает известный итальянский исследователь Данило Дзоло, «мы снова сталкиваемся с необходимостью построения другой, более сложной теории демократии, соответствующей новой реальности»³⁴. Опыт Латинской Америки (практический и мировоззренческий), развиваясь в общем русле мировой общественно-политической мысли, как и в XIX в., добавляет в этот универсальный поток свою неповторимую специфику.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Подробнее об этом: Я.Г.Шемьякин. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., Наука, 2001. [Y.G. Shemyakin. Evropa i Latinskaya Amerika. Vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii] [Europe and Latin America. Interaction of civilizations in the context of world history]. М., Nauka, 2001.

² Л.С.еа. Философия американской истории. М., Прогресс, 1984, с. 217. [L.Sea. Filosofiya amerikanskoj istorii] [The Philosophy of American History]. Moscow, Progress, 1984, p. 217.

³ Colección Pensamiento de Nuestra América. Simón Bolívar. La vigencia de su pensamiento. La Habana, Casa de las Américas, 1982, p. 225.

⁴ Е.А.Ларин. Европейские и латиноамериканские авторы о Боливаре. — История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI—XIX веков. Отв.ред. Е.А.Ларин. М., Наука, 2010, с. 114. [E.A.Larin. Evropejskie i latinoamerikanskie avtory o Bolivare. — Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoj i obshchestvennoj mysli XVI-XIX vekov] [European and Latin American authors about Bolivar – History of Latin America in the world historical and social thought of the XVI-XIX centuries]. М., Nauka, 2010, p. 115.

⁵ Colección Pensamiento de Nuestra América. Simón Bolívar. La vigencia de su pensamiento., p. 233.

⁶ Э.Эчеверría. Социалистическое учение майской ассоциации. — Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX в.). М., Мысль, 1965, с. 48, 77. [E.Echeverría. Socialisticheskoe uchenie majskoj associacii. — Progressivnye mysliteli Latinskoj Ameriki (XIX- nach. XX v.)] [The socialist doctrine of the May Association. – Progressive thinkers in Latin America (XIX and beginning of XX century)]. М., Mysl. 1965, p. 48, 77.

⁷ Ibid., p. 71.

⁸ Ibid., p. 70-71.

⁹ Ibid., p.76.

¹⁰ А.А.Щелчков. Испаноамериканские просветители Симон Родригес и Андрес Бельо. — История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI—XIX веков. М., с. 133-137 [A.A. Shelchkov. Ispanoamerikanskiye prosvetiteli Simón Rodríguez i Andrés Bello – Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoy i obshchestvennoj mysli XVI-XIX vekov] [Hispanic educators Simon Rodriguez and Andres Bello History of Latin America in the world historical and social thought of the XVI-XIX centuries]. Moscow, p. 133-137.

¹¹ А.Ф.Шульговский. Симон Родригес: человек и мыслитель (к проблеме генезиса утопического социализма в Латинской Америке). — Латинская Америка, 1980, №7, с. 15. [A.F. Shulgovskij. Simón Rodríguez: chelovek i myslitel' (k probleme genezisa utopicheskogo socializma v Latinskoj Amerike)] [Simón Rodríguez: the man and the thinker (the problem of the Genesis of utopian socialism in Latin America)]. Latinskaya Amerika, 1980, № 7, p. 15.

¹² А.А.Щелчков. Op. cit., p. 141—142.

¹³ L.Z e a. El Americanismo de Bello – Andrés Bello.Ed. by M.Gayol Mecías. La Habana, Casa de las Américas, 1989, p. 727.

¹⁴ A.Shulgovskij. Bolívar y Bello: papel en la lucha liberadora en América Latina. — Andrés Bello. Ed. by M. Gayol Mecías, p. 87.

¹⁵ S i l o. Humanizar la Tierra. Buenos Aires, 1989.

¹⁶ Е.А.Ларин. Op.cit., p. 115.

¹⁷ А.А.Щелчков. Последний романтик Хосе Викторино Ластаррия. — История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. М., с. 279. [A.A. Shelchkov. Poslednij romantik José Victorino Lastarria – Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoy i obshchestvennoj mysli XVI-XIX vekov] [The last romantic José Victorino Lastarria – History of Latin America in the world historical and social thought of the XVI-XIX centuries]. Moscow, p. 279.

¹⁸ Д.Ф.Сармьенто. Факундо. — Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX в.). М., Мысль, 1965, с.138-139. [D.F.Sarmiento. Facundo. – Progressivnye mysliteli Latinskoj Ameriki (XIX- nach. XX v.)] [Facundo. – Progressive thinkers in Latin America (XIX and beginning of XX century)]. М., Mysl. 1965, p. 138-139.

¹⁹ Ibid., p.134.

²⁰ J.Martí. Ideas políticas y sociales. La Habana, Ediciones Nuevo Mundo, 1960, t. I, p. 148.

²¹ Х.Мартí. Испанская республика перед лицом Кубинской революции. — Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX - нач. XX в.). М., с. 232. [J. Martí. Ispanskaya respublika pered litsom Kubinskoj revolucii. – Progressivnye mysliteli Latinskoj Ameriki (XIX-nach. XX v.)] [Spanish Republic before the face of the Cuban revolution – Progressive thinkers in Latin America (XIX and beginning of XX century)]. Moscow, p. 232.

²² Ibid., p. 235.

²³ Latinobarómetro. Informe 2013. — Available at: http://www.latinobarometro.org/documentos/LATBD_INFORME_LB_2013.pdf (accessed 19.04.2015).

²⁴ R.Nuñez. Generación, acontecimiento, perspectiva. Pensar el cambio a partir de Brasil. — Nueva Sociedad, 2014, N. 251, p.42-54.

²⁵ C.Malamud. Latinobarómetro y el estado de la democracia en América Latina. — Available at: <http://www.infolatam.com/2013/10/03/> (accessed 19.02.2016).

²⁶ C.Malamud. La lucha por el Estado en América Latina. — Available at: <http://www.infolatam.com/2014/11/23/> (accessed 19.12.2015).

²⁷ R.Nuñez. El III Foro Internacional da a luz la “Agenda de Santo Domingo”. — Available at: <http://www.infolatam.com/2015/01/31/> (accessed 21.04.2016).

²⁸ J.Castañeda. Democracia y expresidentes. — Available at: http://elpais.com/elpais/2014/05/21/opinion/1400697586_225656.html. (accessed 1.09.2016).

²⁹ M.A.Garretón. Política y Sociedad entre dos épocas. América Latina en el cambio de siglo. Rosario, Homo Sapiens Ediciones, 2000, p. 66.

³⁰ Ibid., p.80-82.

³¹ В.С.М а р т ь я н о в, Л.Г.Ф и ш м а н. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? — Полис, 2012, № 1, с. 63-75. [V.S. Mart'yanov, L.G.Fishman. Preodolenie kapitalizma: ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revolyucii?] [Overcoming capitalism: from moral collapse to moral revolution?]. Polis, 2012, № 1, p. 63-75.

³² M.P l a t t n e r. Globalization and Self-Government. — Journal of Democracy, 2002, Vol.13, N3, p. 60-61.

³³ Д. Л э й н. Мираж демократии. — Полис, 2014, № 6, с. 127-148. [D.Lane. Mirazh demokratii] [The Mirage of Democracy]. Polis, 2014, № 6, p. 127-148.

³⁴ Д.Д з о л о. Демократия и сложность. Реалистический подход. М., Изд-во Высшей школы экономики, 2010, с. 23. [D. Dzolo. Demokratiya i slozhnost'. Realisticheskij podhod] [Democracy and complexity. A realistic approach.]. М., Izd-vo Vysshej shkoly ehkonomiki, 2010, p. 23.

Liudmila V. Diyakova (diakova65@mail.ru)

Ph.D. (Political Science), Leading Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAN)

Mirages of democracy. Historic ideal and modernity in the context of Latin America

Abstract. The article analyzes various historical approaches to the concept of democracy in Latin America, provides an overview of political ideas played a fundamental role in the formation of a Latin American ideal of democracy in the nineteenth century. The most important of challenges in the past, manifesting itself in new ways to remain relevant at the present time, as reflected in the political practice of contemporary Latin American countries.

Key words: Latin America, democracy, political development, state, public thought.